

«Антуанетта. Собственно, мне просто захотелось еще раз услышать ваши старинные часы. Такие часы — моя слабость. Они бьют, фигурки начинают двигаться и делают каждый раз одни и те же движения. Все известно наперед, но каждый раз это почему-то волнует».

Макс ФРИШ. «Биография».

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН МАЛЫША И КАРЛСОНА

С ними невозможно говорить о личной жизни. То есть вроде бы возможно: спрашиваешь — отвечают, но тут же съезжают на театр. Похоже, жизни без театра для них не существует. Как и для их дочери, которая впервые поехала на гастроли в пятидесятилетнем возрасте. Собственно, актерских семей в Ленинграде немало, но эта — РАВИКОВИЧ-МАЗУРКЕВИЧ — какая-то особенная. Она действительно театральная. В ней, как в хорошей пьесе, заложен мощный конфликт, не только потому, что один старше, другая моложе, но и оттого, что они очень разные и постоянно опонируют друг другу, подтрунивают, передразнивают.

Когда восемнадцатилетняя Ирина, выросшая на Припяти, пришла после окончания театрального училища в Ленинград, Анатолий Равикович уже давно был на первых ролях в Театре имени Ленсовета. Постоянный партнер Алисы Фрейндлих и Алексея Петренко, любимец публики, сыгравший уже Мрамеладова и Карлсона, Санчо Пансо и Аздака. Правда, в 1977 году режиссер театра Игорь Владимиров закончился, и Ирина застала лишь самый кончик того прекрасного времени, о котором так любит вспоминать Равикович.

— Мы не знали тогда, где у нас дом, где театр. Были нищие, непризнанные, но счастливые. Атмосфера была в театре удивительная. И за то золотое время я благодарен Владимирову, он собрал такую труппу, таких людей. А тон задавала, конечно, Алиса. И тут дело не только в уровне ее таланта, но в отношении к профессии.

— Мне тоже кажется, — подхватывает Ирина, — что главному я научилась от Фрейндлих. Чувству ответственности. Это то, что не позволяет расслабиться, выглядеть хуже, чем следует, забыть о прищипке, говорить на сцене тише. Как многие считают: пусть зритель покупает билеты в пятый ряд, если ему не слышно в 18-м. А я не могла себе позволить, играя Малыша, чтобы меня не слышно было детям в 25-м ряду. И когда я играла, администрация знала: нельзя ставить два дневных спектакля подряд — я так выматывалась, что на второй у меня сил уже не хватало. А играть вполсилы, да еще после Алисы, я не могла.

Как выяснилось, да я, собственно, и предполагала, «Малыш и Карлсон» сыграл в истории семьи Равикович-Мазуркевич роковую роль: Ирина считает, что все началось во время репетиций, когда режиссер Нора Райхштейн вводила ее на роль Малыша.

— Ну не знаю, — как всегда, возражает Анатолий Юрьевич, — когда у тебя началось. У меня — во время репетиции «Именем земли и солнца» Друца. Я играл учителя, а Ира какую-то девочку. Ну конечно, актерские семьи рождаются на работе. Где ж еще?

— А не мешает, что все время вместе работаете — в Театре Ленсовета, потом в Театре комедии?

— Наоборот. Мне нравится с Ирой работать. Я, конечно, субъективен. Но она артистка, с которой играть интересно. Только на репетициях она занудой бывает.

— А текст надо учить — тогда никакие зануды не страшны.

— Вот видите? Да я специально его не учу, потому что люблю играть эту роль. Не учу текст, чтобы играть не механически, а по смыслу.

Вот мы и проникли в творческую лабораторию. Но вообще-то разговор идет на кухне (о счастливые мужья жен-зануд! У них на кухне полный блеск!), куда едва доносится голос дочери.

— Лизанька все время играет в театр. Сама с собой.

И куда изредка с деловым видом заглядывает, стука коготками, такса Фимка.

— С кем же у вас дочка остается, если оба в театре?

— Утром в школе, а вечером идет с нами в театр. Ей так нравится! А то, что все время приходится быть со взрослыми, только на пользу: легко с людьми сходится, не дичится.

— В актрисы собирается?

— Еще не решила: или актрисой, или парикмахером.

Глядя на Ирину, я думаю, что хоть она и оторвалась несколько от подростковых ролей, но по виду еще совсем тинейджер. Оттого мне так нравится ее Виола в «Двенадцатой ночи». Актрисы в ролях шекспировских трагедий стараются быть мальчишками, а Мазуркевич не может скрыть женственности. При ее хрупкости, почти балетной бестелесности и высоким голосом, женственность эта совершенно неподражаемая. Впрочем, об этом подробно писал Эльдар Рязанов после работы над «Бедным гусаром...» Этот женский тип — из набоковских романов. Из пьес Ибсена. Из музыки Грина.

— Роли-роли... А не хочется передохнуть, дома посидеть?

— После каждой сделанной роли наступает опустошение. Кажется, что уже никогда ничего не захочется. Но проходит месяц, а то и неделя — и ты снова готова. Душа освободилась. И ждешь новой роли, и радуешься, и хватаешься за нее. Я еще в училище запомнила, что артист все время, как на велосипеде, надо крутить педали, иначе упадешь. И мне в общем везло, я никогда не сидела без ролей. В театре у Владимировы были Оля из «Спешите делать добро», Зинуля, Аня в «Вишневом саде», в Комедии — главные роли в «Все о Еве», булаковской «Зойкиной квартире», шварцеской «Тени». И Антуанетта — роль, о которой я мечтала с 18 лет, хотя никому никогда не признавалась. Мне тогда Равик дал пьесы Фриша почитать. Я «Биографию» прочла и влюбилась, хранила, как что-то личное и дорогое. А когда вдруг узнала, что будет читка этой пьесы, то ужасно расстроилась: почувствовала, будто в мою личную жизнь вторгаются. А потом, когда назначили на роль, было счастье.

«Биографию» Макса Фриша они играли и вправду как нечто глубоко лирическое. В пьесе вроде бы и нет прямых параллелей с их судьбой, но кто ж преодолеет искушение, оглянувшись на собственную жизнь, решить: что оставить, а что вычеркнуть? Равикович — Кюрман, похоже, не прочь зачеркнуть былой имидж комического артиста, он напомнил, как прекрасно играл Мрамеладова в паре с Фрейндлих — Катериной Ивановной. Видно, что тоскует он по ролям трагическим. Мазуркевич в роли Антуанетты окончательно повзрослела, представ женщиной, готовой ответить за все — за счастье, которое «нельзя переиграть», за выбор судьбы.

Дирекция Театра комедии тоже не отказала себе в удовольствии «переиграть» — и вычеркнула «Биографию» из репертуара (то был период междоусобицы: Юрия Аксенова уже свергли, а нынешний главный, Дмитрий Астрахан, еще подрастал в недрах БДТ). Дирекция нужные были беспечальные комедии, «Биография» казалась слишком серьезной. Режиссер Лев Стукалов, однако, взял реванш: ак, вам не нравится Фриш? Тогда получите Дюрренматта. Теперь Равикович и Мазуркевич играют в «Ромуле Великом» — императора-курова, поседевшего, утомленного воинственностью римлян, и его дочь, вообразившую себя отчаянной патриоткой. Опять вместо вопреки идеологичности пьесы рассказывают печальную житейскую историю.

— У меня жизнь делится на два периода — до Бахтина и после. Когда я прочел его книгу о Равеле и смеховой культуре, то стал матерней, которая себя осознала. Я с облегчением узнал, что площадной смех нормален и нестыден, что всевозможные раблезианские мотивы «низа» имеют глубокие корни, — и перестал стесняться плотского юмора, играя, например, Брехтовского Аздака.

— Ну я, наверное, застала вас уже «после Бахтина»: мне кажется, вы никогда не отказывали себе в удовольствии смачно пошутить. А если вспомнить, какой вы безжалостный пересмешиник, как пародируете собратов и особенно критиков, то можно предположить, что Бахтина вы читали еще в младенческом возрасте.

— Ну критики... Над вами грех не посмеяться. Я даже как-то целый трактат сочинил: как выявлять критиков на ранней стадии и души в колобели.

— А вот Ирину, такую смешливую и остроумную в жизни, на сцене, пожалуй, еще ни разу не видела в сугубо комедийной роли...

— Существует понятие «амплуа». Но и сама люблю играть ближе к себе. А может, просто сблизилась с ролью, меняюсь, пока репетирую.

Ну если «ближе к себе», то шекспировская Катерина, которую вот-вот начнет репетировать Ирина, — как раз по ней. Что-то, а характер имеет место быть. Любопытно, что Мазуркевич словно наследует роли Алисы Фрейндлих: был Малыш, теперь — «Укрошение строптивой». Впрочем, она ведь унаследовала и партнера. Есть у актрис еще одно общее свойство: на сцене их заметишь в любой массовке, на сцене они преображаются, хорошеют — огромные, сияющие глаза чего только стоят! — а на улице, в фойе чужого театра умеют быть незаметными, растворяются в толпе. Равиковича знакомые тоже корят: «Что ты в какой-то курточке ходишь, почему шубу не купишь, шапку солидную? Ты ж народный артист!»

— Не выношу актерской манеры тереться на виду, гарцевать, чтобы на тебя все оборачивались. Если актер в жизни продолжает свой экранный или сценический имидж, зная, дела его плохи. Я после спектакля склоняюсь перед публикой в поклоне — и на этом считаю наши отношения исчерпанными. Дальше — у каждого своя жизнь.

— Вам никогда не хотелось сбежать из театра?

— В кино, что ли? Когда я только начала работать в театре, у меня было очень много предложений. Но я не то что жертвовала... просто с легкой душой выбирала. И не грустила, если из-за репетиций приходилось отказываться от съемок. Театр был и остался главным. Театр — удовольствие, часть жизни, а кино — механическая работа, она не дает творческой радости.

— Ира права. Киноактер — не творческая, не актерская профессия. И, за редким исключением, в кино работать неинтересно.

— А вот вы, Анатолий Юрьевич, с Михаилом Козаковым работали — он же театральный человек?

— С Козаковым тоже трудно. Во всех его фильмах, вы замечали? — по шесть-восемь «Козаковых», с его пластикой, с его интонациями. Он работает жестко, «с голоса». И результат — хорошие фильмы хорошего режиссера. Об актерских достижениях говорить нельзя. Когда смотрю «Покровские ворота», у меня такое чувство, будто я кого-то обманываю, потому что ничего моего там нет. Я бы эту роль сыграл совершенно иначе. Если б мы с Козаковым работали в театре, я бы непременно его в чем-то переубедил и был бы ближе к себе и к своим представлениям о персонаже. Вы говорите, зритель охладил к театру. А мне не кажется, что дела в театре так уж плохи! Интерес — как маятник, как волна, то в одну сторону, то в другую. Пусть сейчас отлив, но я могу голову на отсечение дать, что наступит и время прилива. И это даже не от уровня театрального искусства зависит, просто действуют некие законы зрительского восприятия. Точно так же интерес к прозе или к стихам чередуется. Но зато, знаете, как приятно играть пусть для трехсот человек: в наше жуткое время, когда тоска грызет и надежды вроде бы нет никакой, они все же пришли в театр! Я играю для них и знаю, что все живо и все вернется на круги своя.

А кино я не бросаю по единственной причине: наш зритель так воспитан, что считает несмываемого актера как бы без «знака качества». Да и главные режиссеры рассуждают так же: не снимаешься, значит, зритель на тебя не пойдет. А самый некалифицированный, темный зритель — начиналки, — знают только тех, кто в телевизоре, а особенно тех, кто маршалов, министров и «наших современников» изображает. Так что для актера кино — это укрепленные тылы, оно дает иллюзию независимости.

А где же личная жизнь? — спросит читатель. — Все о работе да о работе!

Но это, пожалуй, единственное, чем артисты отличаются от «нормальных» людей: работа для них — большая и очень интимная часть жизни. Остальное в этой семье, как у всех. Книжки читают, музыку слушают. Ира и Лиза сами потихоньку музицируют, — старшая с удовольствием, ругая себя за быструю неусидчивость и лень, младшая неохотно, как всякий нормальный девятилетний человек. Охотнее все возьмется с такой Фимкой, у которой четыре милых щеночка. По хозяйству никто не помогает, разве что Ирина мама из Минска на недельку приедет. Но, как говорит Мазуркевич, с мужем ей повезло. Кто лучше по магазинам бегает — неизвестно, а вот готовит лучше, кажется, Равикович. Он угощает меня фаршированным карпом — впечатления могу передать только в стихах да и то после того, как продукты в стране появятся.

Что же считать «личной жизнью»? Стояние в очередях, отоваривание карточек или то, во что вкладываешь душу? Очередь мне представляется скорее общественной работой. А вот театр... Это жизнь. Как сказано у Фриша: «Все известно наперед, но каждый раз это почему-то волнует».

Елена АЛЕКСЕЕВА.

ЛЕНИНГРАД.

Фото Павла Маркина.